

Деиндустриализация и её социальные последствия в художественной литературе дальневосточной периферии конца XX — начала XXI в.

Елена Сергеевна Волкова,

кандидат исторических наук, научный сотрудник
Института истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

Email: elenavolkova1@yandex.ru

Используя антропологический подход, автор анализирует литературные произведения, в которых затрагивается тема деиндустриализации на российском Дальнем Востоке, раскрывается её влияние на социальную среду, повседневные структуры и жизнь конкретного человека. Среди последствий, значимых для общества в целом, писатели выделяют падение уровня жизни граждан, растущую безработицу, разрушение социальной инфраструктуры, уменьшение количества населённых пунктов, сокращение численности жителей региона. Многие литературные персонажи в новых социально-экономических условиях лишаются не только стабильного, гарантированного источника дохода, но и привычной среды обитания, испытывают дезориентацию, неуверенность в завтрашнем дне, усиливается кризис идентичности, вплоть до потери смысла жизни, что в ряде случаев приводит героев к деструктивным практикам, обнищанию и даже смерти. В художественных произведениях находят отражение и практики выживания дальневосточников, потерявших работу в ходе деиндустриализации, и факторы, способствовавшие адаптации индивида к меняющейся реальности. Исследование художественных текстов позволяет сделать вывод, что дальневосточные литераторы рассматривают деиндустриализацию преимущественно в общем контексте десоветизации, рыночной трансформации и общей деградации российской социально-экономической системы, характеризуя этот процесс как продукт политической воли, как следствие неolibеральных преобразований и соответствующей региональной политики федеральной власти, зачастую идущей вразрез с национальными интересами.

Ключевые слова: деиндустриализация, российский Дальний Восток, рыночные реформы, 1990-е, художественная литература, повседневность, кризис идентичности.

Deindustrialization and Its Social Consequences in the Fiction of the Far Eastern Periphery between the Late Twentieth and the Early Twenty-First Centuries.

Elena Volkova, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: elenavolkova1@yandex.ru.

Using the anthropological approach, the author analyzes literary works that touch on the topic of deindustrialization in the Russian Far East revealing its impact on the social environment, everyday structures and the life of an individual. Among the consequences significant for the society the writers highlight the decline in the living standards of the population, growing unemployment, the destruction of social infrastructure, the compression and liquidation of settlements and the reduction of the population in the region. Many literary heroes in the new socio-economic conditions are deprived not only of a stable, guaranteed source of income but also of their usual habitat, they experience disorientation, uncertainty about the future, an identity crisis up to the loss of the meaning of life, which in some cases leads the heroes to destructive practices, impoverishment and even death. The literary works reflect both the survival practices of Far Easterners who lost their jobs during deindustrialization and the factors contributing to the individual's adaptation to a changing reality. The study of literary texts allows us to conclude that Far Eastern writers mainly consider deindustrialization in the general context of de-Sovietization, market transformation and general degradation of the Russian socio-economic system, characterizing this process as a product of political will, as a consequence of neoliberal reforms and the corresponding regional policy of the federal government often against national interests.

Keywords: deindustrialization, Russian Far East, market reforms, 1990s, fiction, everyday life, identity crisis.

Деиндустриализация постсоветского периода нашла отражение в огромном количестве исторических источников. Художественные произведения занимают среди них особое место: помимо констатации процессов, происходивших в экономике и социальной сфере региона в интересующий нас период, они транслируют дух эпохи и бытующие в обществе настроения, помогают взглянуть на эти процессы с точки зрения конкретного человека, в них вовлечённого, открывая исследователю возможности для работы в рамках антропологического подхода (в качестве методологической основы автор использует концептуальные положения Л.Г. Ионина [15], А. Шюца [30]). Кроме того, заслуживает внимания рефлексия дальневосточных литераторов как значимых представителей российской творческой интеллигенции по поводу происходящего в регионе и стране в целом.

Рыночные реформы 1990-х гг. инициировали затяжной кризис в российской промышленности. Основными предпосылками деиндустриализации исследователи называют ослабление государственного регулирования экономики, либерализацию цен, приватизацию, отказ от политики протекционизма и пр. [5; 6]. Дальний Восток не стал исключением: за пять лет объём промышленного производства в регионе сократился более чем вдвое, инвестиции

в основной капитал в 1997 г. составили лишь 28,9% от уровня 1992 г. Процесс деиндустриализации затронул все отрасли специализации Дальнего Востока, доля высокотехнологичных отраслей в структуре экономики ощутимо снизилась [19, с. 90—91].

Многие промышленные предприятия сокращали свои площади или были ликвидированы, принадлежавшие им ранее здания быстро ветшали¹. В художественных произведениях героев окружают *«пустоглазые, брошенные цеха»*, *«мёртвые тракторы без гусениц»* и *«перевёрнутые вверх осями прицепы»* [18, с. 103], *«разбитые общежития без окон, унитадов и половой доски»* [29, с. 104], *«остовы зданий, как серые скелеты»* [27], *«растопыренные пальцы труб»* без единого дымка [20] и прочие материальные объекты, относящиеся к советской эпохе, которая нежданно-негаданно канула в прошлое. Вместе с заводами и фабриками деградируют и населённые пункты, особенно это касается монопрофильных городов и рабочих посёлков². Герой хабаровского автора К.А. Партыки созерцает руины обогатительного комбината, который в 1990-е гг. *«загибаться стал»*, а после приватизации и вовсе прекратил работу. Благодаря комбинату райцентр когда-то процветал; теперь же он напоминает *«застарелого бомжа, выбравшегося поутру из своего подвала и подслеповато щурящегося на яркое апрельское солнце»* [20].

На Северо-Востоке страны первоочередное значение в социально-экономическом развитии территорий имел горнопромышленный комплекс, и прежде всего, добыча золота. После выхода в 1992 г. соответствующего постановления правительства, разрешившего добычу драгметаллов на территории страны всем юридическим лицам и гражданам РФ [22], государственное финансирование золотодобычи, а вместе с ней и геологоразведочных работ фактически прекратилось. *«Да где она, эта экспедиция?»* — риторически вопрошает героиня колымского прозаика Ю.П. Пензина³. — *«Ликвидирована она по указанию сверху. Кому-то там пришло в голову, что золото добывать на Колыме невыгодно, выгодней его завозить из-за границы, да и вообще, оказывается, всё, что делалось на этой Колыме при коммунистах, было большой ошибкой»* [21].

Герой магаданского автора В.М. Фатеева, простой парень Коляня⁴, отправляется на поиски золота в заброшенную шахту, *«ведь он эти места знал, было дело, не раз на эту шахту приисковое начальство возил. Дорогу хорошо запомнил. И разговоры: перспективная, самородки прямо в стене. Большие планы с ней связывали. А успели только разведочную штольню пробить. Перестройка. Точнее, революция. Или наоборот — контрреволюция, как его*

¹ Исключение составляли случаи, когда здание полностью или частично сдавалось в аренду под офисы, склады и т.п.

² Согласно статистическим данным, в 1990-е гг. на Дальнем Востоке процессы «сжатия» городов и убыли населения затронули 90% городов с численностью более 15 тыс. чел. (в целом по России этот показатель составил 56%) [14, с. 87].

³ В предисловии к цитируемому изданию сообщается, что Пензин Ю.П. — кандидат геолого-минералогических наук, всю трудовую жизнь отдал Колыме, в частности работал главным геологом Кадыкчанской углеразведки, и быт колымских посёлков знает не понаслышке [21].

⁴ В «лихие девяностые» Коляня и торговал, и таксовал, и челночил, и в моря ходил, *«а денег всё равно не было»* [28].

папая говорит. Во, а люди головы ломают — реформы, хренормы. Самая что ни на есть настоящая контрреволюция» [28]. Другой герой Фатеева, магаданский вице-губернатор, в беседе с корреспондентом известной российской газеты заключает: *«Кому-то выгодно объявить Север банкротом, выгнать отсюда людей и отдать его на разграбление иностранцам»* [28].

Анализ художественных произведений показывает, что литераторы, как правило, вписывают деиндустриализацию в более широкий контекст, рассматривают её как часть масштабного процесса десоветизации и рыночных преобразований, проводимых реформаторами-неолибералами; целый ряд авторов акцентирует внимание на том, что идеи, которые легли в основу региональной политики федерального центра в 1990-е гг., пришли из-за рубежа, и их воплощение в жизнь зачастую ведёт к предательству национальных интересов. До сих пор одним из самых цитируемых на северо-восточных территориях остаётся заявление Е.Т. Гайдара (на тот момент исполняющего обязанности главы правительства РФ), сделанное на пресс-конференции в Магадане осенью 1992 г.: *«промышленное производство на Севере нерентабельно, Север перенаселён, «наша стратегическая линия — постепенное сокращение его населения за счёт миграции»* [1]. При необходимости дальнейшего промышленного освоения и развития территории предполагалось делать упор на вахтовый метод. Реализация подобной стратегии привела к тому, что во многих северных городах и посёлках была зафиксирована экстремально высокая убыль населения⁵, десятки населённых пунктов и вовсе были ликвидированы.

В сатирическом разделе сборника стихов магаданского поэта А.А. Пчёлкина мы находим отклик на этот исторический визит — «Марш „Прощание Гайдара с магаданцами“»:

*...Север считая уже за бортом,
Нас он утешил словами приветов:
«Благослови их, Святая Вендетта,
И объясни на наречье простом —
Плачут сегодня они о пустом:
Северных выходцев с Этого Света
Ждут с нетерпением друзья их на Том!»* [24, с. 59]

В романе Ю.С. Рытхэу, уроженца Чукотки, даётся описание Анадыря⁶ на исходе XX века: *«...Бросались в глаза неухоженные дома, потухшие окна в покинутых квартирах... безлюдная гостиница „Чукотка“, недостроенное банковское здание и не работающий единственный светофор, которым так гордились жители окружного центра»* [25, с. 313].

Герой рассказа Ю.П. Пензина, возвратившись на Колыму после небольшого, казалось бы, перерыва, испытывает настоящий шок: *«Конечно, Иван Иванович ожидал, что молох развала Колымы не обошёл стороной и его посёлка, но то, что он увидел, ему показалось чудовищным и невероятным. На месте*

⁵ Такие города, как Билибино, Певек, Сусуман в 1989—2002 гг. потеряли более 50% населения [14, с. 88].

⁶ В романе Ю.С. Рытхэу используется чукотское название Анадыря — Вьэн.

белокаменных пятиэтажек стояли полуразвалины, похожие на брошенные солдатами казармы. В пустых провалах окон стоял холодный мрак, из-за облупившейся штукатурки, как из старых дотов, выпирали остатки шлакоблоков и железных перекрытий, вокруг валялся битый шифер, колотый кирпич, осколки стекла и мусор. Красивые, с голубыми верандами, деревянные двухэтажки были разрушены до основания, и на их месте лежали груды не догоревших в пожаре брёвен и кучи кирпича от разрушенных печей. Не зная, отчего всё это, можно было бы подумать, что над посёлком прошла вражеская эскадрилья и сбросила на него все свои бомбы» [21]. Разруха без войны — этот мотив звучит и в других произведениях дальневосточных литераторов. «Дырявые панели из бетона. // И арматура целит у стены. // Ещё бы гильзы кучно от патронов — // Совсем картина смолкнувшей войны...» — читаем у камчатского автора В.П. Пустовита [23, с. 117].

Существенный вклад в создание депрессивного городского пейзажа вносят объекты незавершённого строительства. «Большинство из них ровесники перестройки, — пишет В.М. Фатеев, — именно в эти годы было заморожено строительство и разрушен трест „Магадангорстрой“. Две тысячи высококвалифицированных строителей в одночасье потеряли работу и стали в очередь за нищенским пособием в... родную контору. Здесь разместился Центр занятости населения» [27].

В первые же постсоветские годы происходит резкое падение уровня жизни миллионов квалифицированных специалистов, в позднесоветский период занятых в промышленном производстве, а в «лихие девяностые» лишившихся стабильного источника дохода: кто-то месяцами не получал зарплату, кто-то попал под сокращение, кто-то остался без работы в результате ликвидации предприятия⁷. Героиня владивостокского прозаика С.Д. Барабаша с горечью говорит о том, что в новой реальности её специальность судостроителя никому не нужна. В советское время семья ни в чём не нуждалась, рассказывает героиня, но потом стали задерживать зарплату, и в конце концов предприятие закрылось, а вскоре муж бросил семью на произвол судьбы — «вот тогда-то мы и превратились в нищих». Устроившись работать уборщицей, да и то «по великому благу», героиня постепенно распродает свои вещи, «чтобы элементарно не умереть с голоду» и обеспечить пропитанием 17-летнюю дочь [3, с. 16—17].

Безработица, застойная бедность, деградация социальной инфраструктуры и «сжатие городов», рост преступности, массовый отток населения — все эти негативные последствия деиндустриализации и превращения территории в «ржавый пояс» испытали на себе жители Дальнего Востока: по мнению исследователя Ю.Н. Ковалевской, подобная терминология вполне применима к изучаемому региону в постсоветский период [17, с. 61—62, 68]. Бывшие работники промышленных предприятий зачастую трудоустраиваются в сферах со сравнительно низкой заработной платой. Широкое распространение получает временная, сезонная, неформальная, частичная занятость, многие

⁷ Официальный уровень безработицы в процентах от экономически активного населения начиная с 1992 г. стабильно рос, составив в 1999 г. (высшей точке) 13,8% в целом по ДФО, в Магаданской и Сахалинской областях — более 20% [19, с. 191]. Реальные цифры, по оценкам экспертов, были ещё выше.

выживают за счёт дач и огородов, охоты, рыболовства, сбора дикоросов. Ю.П. Пензин, описывая обезлюдивший посёлок на Колыме, где раньше функционировала геологическая партия, замечает: *«Остались в посёлке два трёхэтажных дома и на окраине его частные застройки. В первых жили те, кому бежать было некуда. Кормились они случайным заработком и пенсионной копеей. В частных домах держались на охоте и рыбной ловле»* [21].

Герой рассказа С.Д. Барабаша Ваня Жуков⁸, испытывающий *«постоянное чувство голода, не проходящее даже во сне»*, в свои неполные шесть лет тоже отправляется на рыбалку, чтобы разнообразить хлебно-картофельное меню семьи и помочь маме⁹: *«Он не обижался на маму за то, что она готовила слишком скудные обеды. Не её вина, если на заводе, где она работала, уже несколько месяцев не выдавали зарплату»* [4, с. 273]. Незатейливая история заканчивается трагически: Ваня, поскользнувшись на льду бухты, тонет в ледяной воде, а вернувшаяся с работы мама, так и не найдя пропавшего без вести сына, умирает от сердечного приступа [4, с. 275—276]. Пронзительный рассказ, написанный владивостокским автором в 1997 г., через сто с небольшим лет после чеховского «Ваньки», символизирует окончание эпохи «счастливого советского детства»; приходится констатировать, что для многих семей в российских городах и посёлках этот процесс был неразрывно связан с деиндустриализацией.

Владивостокский прозаик Т.Ф. Алёшина отправляет свою героиню на *«маленький бесперспективный островок»* с индустриальным прошлым, где *«денег ни у кого нет, безработица»* (нетрудно догадаться, что «бесперспективным» островок стал, когда предприятие закрылось): *«Вереницы жителей в божовских китайских „адидасах“ несли буханки хлеба мимо плаката „Крепите дисциплину в рабочем коллективе!“ над развалинами когдатонского рыбзавода»* [2, с. 123]. Прошлое не отпускает, оно напоминает о себе величественными и/или безобразными руинами и лозунгами советского периода, то здесь, то там всплывающими из небытия и побуждающими к размышлениям, что называется, о времени и о себе. По сути, в постсоветский период люди вынуждены жить «рядом и среди руин своей прежней жизни» [16, с. 16], их планы разрушены, будущее лишено сколько-нибудь ясных очертаний. Говоря словами А.А. Пчёлкина, *«жизнь предстала без перспектив // и вся — кувирком — под горку»* [24, с. 23].

Вспомним, с какой тоской писал С.А. Есенин в 1920 г. о жеребёнке, который пытается догнать поезд («Сорокоуст»). Но постепенно выстраивалась новая реальность, и для следующих поколений уже этот, индустриальный, мир стал своим, привычным и родным, каким была для Есенина патриархальная деревня. И в период обвальной деиндустриализации 1990-х гг., когда страна за считанные годы утратила статус промышленного гиганта, бывшие и настоящие работники предприятий не могли остаться равнодушными к этому процессу.

Уроженец Владивостока Е.А. Мамонтов с чеховской иронией рисует образ поэта, который пишет стихотворение о старой заводской трубе, одушевляя её

⁸ Здесь очевидна отсылка к персонажу рассказа А.П. Чехова «Ванька» (1886).

⁹ *«Папа сейчас в заграничной командировке, и ещё неизвестно, когда вернётся»*, — так сказала мальчику мама, никаких авторских комментариев относительно достоверности этих слов в тексте не приводится [4, с. 273].

и вписывая в контекст мировой истории. Кирпичная труба «скачает по юности, вспоминая запах дыма», «смотрит в небо днём и ночью, чувствует каждый свой кирпич, помнит старых рабочих»; «жюль-верновская пушка, телескоп и каменные глыбы Стоунхенджа ей как сёстры». Труба уже много лет не функционирует, но по-прежнему возвышается над городом: «*быть выше других — ужасное одиночество, а искорка, некогда упавшая в неё с неба, давно смешалась с мусором на дне*» [18, с. 207].

Образ заводской трубы мы встречаем и в социально-гражданской лирике И.И. Шепеты (Приморье): «*...вся разумная жизнь — у трубы*», — заключает поэт [29, с. 52]. Рефлексируя по поводу сокращения населения российского Дальнего Востока, он неоднократно подчёркивает, что не собирается вливаться в миграционный поток: «*И лишь я, как некий горнист-трубоч, // как верблюд горбатый, готов к борьбе — // всё пытаюсь сыграть под всеобщий плач // старый гимн на своей заводской трубе*» [29, с. 52]. Значимым бэкграундом выступает личный жизненный опыт поэта, который также нашёл отражение в его творчестве: «*А в Краснореченске взорвали фабрику, // где отец мой вкалывал во имя лучших времён...*» [29, с. 104].

Ю.П. Пензин в одном из рассказов описывает обстановку в рабочем коллективе в начале 1990-х гг., в период, когда судьба предприятия висит на волоске: «*В экспедиции... словно всё в эту зиму вымерло: остановился транспорт, мехцех стал похож на груды брошенного металла, не стучал по утрам кузнечный молот, не надрывалась пилорама, люди, спрятавшись в конторе, не работали, а высиживали за столами своё время. Нужны ли они кому, будут ли давать им зарплату — никто не знал. „Как жить-то будем?“ — спрашивали они друг у друга... Все свыклись с безысходностью и тупым равнодушием ко всему, что происходит. В начале зимы ещё ругали правительство, а сейчас перестали и это делать. „Толку-то!“ — думали все*» [21].

Поэт А.А. Пчёлкин¹⁰ вкладывает в уста соседа-пьяницы¹¹ такие слова: «*Мы золото рыли в горах, // мы строили, мёрзли и мокли. // Что труд наш развеют во прах, // подумать хоть кто-нибудь мог ли?*» [24, с. 24].

По А. Шюцу, трудовая деятельность выступает главным, основополагающим элементом повседневности; соответственно, изменения, происходящие в сфере трудовой деятельности, неизбежно влекут за собой трансформацию всего жизненного мира индивида. Но для советского человека промышленное предприятие было не только местом работы: как правило, оно обеспечивало сотрудников жильём, при заводах и фабриках действовали образовательные, спортивные, культурные учреждения, не говоря уже о пионерских лагерях, турбазах, домах отдыха... И вся эта разветвлённая структура в первые же постсоветские годы посыпалась, как карточный домик. Вот как пишет о сотрудниках биробиджанского завода «Дальсельмаш» А.Л. Драбкин (ЕАО):

¹⁰ А.А. Пчёлкин в молодости освоил множество профессий, в частности в конце 1960-х гг. работал старателем на прииске Бурхала (Магаданская область).

¹¹ В данном случае к герою А.А. Пчёлкина применима характеристика из повести А.В. Гребенюкова — «*пьяница от безысходности*». Деструктивные практики в российском обществе 1990-х гг. стали одним из распространённых способов ухода от новой «рыночной» реальности, если принять её и освоить индивид был не в состоянии.

«Завод был их домом. Кто-то считал, что дом этот прочен, кто-то говорил, что пора его капитально отремонтировать. И никто, поверьте, не считал, что его нужно и можно разрушить. <...> Сколько судеб человеческих прошло через завод за полвека...» [12, с. 89]. Вспоминая о своём детстве, автор заключает: «...За каждым из нас стояли завод или фабрика, где мамы и папы работали. Это были крепости, государства со своими флагами, гимназиями и т.д. Если завод „Дальсельмаш“ гордился хоккейной командой, то швейка — агитбригадой „Иголочка“, а на заводе силовых трансформаторов... Боже мой! Я устану перечислять и сравнивать, только расстроюсь, и всё» [12, с. 185—186].

Постсоветская деиндустриализация трансформировала повседневность коренным образом, лишив миллионы людей, занятых в промышленности, не только средств к существованию, но и привычной среды обитания и тем самым выбила почву из-под ног, окружающий мир перестал быть понятным и предсказуемым. «Нынче б на завод, да нет завода», — читаем в стихотворении А.Л. Драпкина с лаконичным названием «До и после» [13]. В рассказе Е.А. Мамонтова жители посёлка тоже ностальгируют о заросшем бурьяном и канувшем в Лету предприятии, «тоскуя по былому индустриальному величию посёлка, вспоминая, у кого какая была должность на заводе и зарплата в пересчёте на тогдашние поллитры» [18, с. 351].

Герой Ю.П. Пензина, по фамилии Лукин, проработавший тридцать лет в геологической партии на Колыме, выходя на пенсию, уезжает в город своей юности, но через год с небольшим «по зову сердца» возвращается обратно. «Ваня, ты в своём уме?! Колымы-то уже нет — одно название!» — говорит ему Аплёткин, старый знакомый по снабсбыту: «прииски закрываются, разведки ликвидируются, посёлки пустеют и разваливаются, народ голодает. — А воруют! Ваня, как перед концом света! Тащат, что ни попадя! Начальство — по крупному, остальные — по мелкорыбице». Однако, выслушав приятеля до конца, Аплёткин замечает: «Видно, правду говорят: родина не там, где горшки марал, а где лыку драл» [21]. В сжавшемся и полуразрушенном посёлке Лукина встречает начальник ликвидируемой геологической партии. Вечером, сидя за столом, они «с тёплой грустью вспоминали всё, что было у них раньше. Теперь им казалось, что это были лучшие годы их жизни и в памяти они останутся навсегда, как всё, что оставляет в ней не ум, а сердце. О том, что будет с ними дальше, они, словно приговорённые к бессрочной каторге, не говорили. Уже готовясь ко сну, начальник партии, тяжело вздохнув, сказал: „А ведь я тебе, Иван Иванович, завидую. Умрёшь, так хоть там, где ты кому-то был нужен“» [21].

Во многих литературных произведениях герои, потерявшие работу в результате деиндустриализации, утрачивают прежние идентификации и находятся в поиске новых, ищут применение своим знаниям и опыту, тоскуют по настоящему делу. «Скучно и тошно стало жить в России», — заключает Володька, герой хабаровского прозаика А.В. Гребенюкова, оставшийся без средств к существованию после развала предприятия и растерявший свой оптимизм в очередях центра занятости. «Володька вот уж два года серьёзно нигде не работал. Хотя специалист был классный. Только кому он теперь нужен?» [9, с. 173] — рассуждает его приятель, инженер-конструктор Алексей,

попавший под сокращение и вынужденный наняться водителем к собственной жене-бизнесвумен. Сегодня стране не нужны специалисты — «нужны фокусники, умеющие делать деньги», скептически замечает Алексей [9, с. 197]. После окончания института он «*всю жизнь, за исключением последних трёх лет, работал на военном авиастроительном заводе, где «активно способствовал появлению летающих монстров, которые наводили страх на врагов Отечества. Чем и гордился. Даже работал над одной идеей по их усовершенствованию»*. Но пришли иные времена, «ВПК подвергся гонению, развалу», и Алексей лишился любимой работы, разумеется, не по своей воле. В то же время, он «*не оставил мысли о своём изобретении и, когда выдавалась свободная минутка, корпел над чертежами и формулами*», находя в этом отдушину [8, с. 128—129].

Герой В.М. Фатеева, руководивший строительством «командного пункта управления военной спутниковой связи под Красноярском», а затем «военного объекта в Монголии на принципиально новых системах космической связи и наведения», подался в коммерцию «*после того, как в девяносто третьем году министр обороны провёл американскую делегацию по всем этажам его красноярской сверхсекретной стройки, а полигон в Монголии забросили по причине сворачивания финансирования*» [27]. На коммерческом поприще герой преуспел, а российский ВПК потерял ещё одного ценного специалиста (награждённого в своё время орденом Трудовой Славы), возможно, навсегда.

В 1990-е гг. стали особенно востребованы активное отношение к жизни¹², инициативность, умение не заикливаться на неудачах, быстро ориентироваться в ситуации и использовать открывающиеся возможности. Наличие этих качеств значительно повышало шансы на успешную адаптацию к новой реальности. «...*Жить нужно учиться заново, — к такому выводу приходит вышеупомянутый Алексей из повести А.В. Гребенюкова. — Наступили совершенно другие времена. И в них действуют уже иные законы выживаемости. Времена, когда за нас думали и решали, прошли... И хоть тяжело меняться, когда тебе за сорок, но ничего не поделаешь. Старое ушло безвозвратно. Конечно, мало радости, что именно на тебе случился такой крутой поворот, но если в него не вступишь, то пропадёшь*» [10, с. 68].

В произведениях дальневосточных литераторов можно обнаружить и таких героев, которые, потеряв работу, «не вписались в поворот», утратили смысл жизни и опустились на дно. Так, герой хабаровского прозаика Н.В. Семченко после ликвидации конструкторского бюро превратился в безработного и перестал выходить из дома: «*небритый, не стриженный, с тёмными кругами под глазами, Александр, кажется, потерял всякий интерес к жизни, и даже за пособием по безработице его надо было чуть ли не силком тащить: он считал, что это национальный позор, когда высококвалифицированный специалист, лауреат престижных технических премий, имеющий несколько десятков патентов, вдруг становится у государства вроде как нахлебником, абсолютной никчёмностью*» [26, с. 127]. Бывший профсоюзный деятель в рассказе находкинца А.В. Быкова, «*когда шахты закрылись, спился,*

¹² По А. Шюцу, активное, напряжённое отношение к жизни является одной из основополагающих характеристик повседневности.

забомжевал» [7, с. 164]. «Ты думаешь, я что, бичом родился? — вопрошает героиня А.В. Гребенюкова случайного собеседника. — ...Два года назад вкалывал на заводе. А потом нас разогнали. Заводишко с молотка пошёл. Коммерсантам сраным достался. Я помаялся-помаялся по другим хозяевам да и подался бичевать» [11, с. 232—233]. В другом произведении этого же автора лирический герой, наблюдая за бичами, размышляет: «...Если их отмыть да накормить, приодеть и дать недельку протрезвиться, а потом предоставить заводик с нормальной зарплатой, 0-го-го. Американцам да японцам хвост накрутят. Только никому это не надо» [10, с. 41].

Как правило, наибольшие проблемы с адаптацией и поиском новых идентификаций испытывали люди старшего поколения, которые проработали в одной отрасли (или даже на одном предприятии) десятки лет: в силу возраста и специфического опыта работы переход в другую сферу занятости был для них затруднён. В рассказе Ю.П. Пензина начальник экспедиции Алексей Иванович, лишившись работы, начинает переосмысливать свой трудовой путь: «...Ликвидирована экспедиция как никому и вроде бы уже и никогда раньше не нужная, а значит и он, Алексей Иванович, не то делал, зря и себя мучил, и другим нервы понапрасну портил» [21]. Дети его выросли и больше не нуждались в родительской опеке, и Алексей Иванович, оставшись не у дел, вскоре умер, «хоть врачи и сказали: от сердечной недостаточности, на самом деле, как понимала Дуся, оттого, что он сам не захотел жить» [21].

Подводя итог, отметим, что дальневосточные литераторы в большинстве своём рассматривают процесс деиндустриализации в более широком контексте рыночных преобразований, крушения советского мира и общей социально-экономической деградации периферийных территорий — на наш взгляд, такой подход при изучении постсоветского периода в истории России является наиболее адекватным и продуктивным. Обращает на себя внимание преобладающая в художественных произведениях оценка деиндустриализации не как стихийного и в целом закономерного процесса, а как продукта политической воли. Упомянутых нами писателей объединяет неприятие новой политики федерального центра в отношении Дальнего Востока и неолиберальных программ, которые пришли на смену активному освоению, заселению и промышленному развитию региона¹³. Подобная позиция прослеживается в художественных текстах начиная с 1990-х гг. Судя по всему, дальневосточные литераторы не испытывали иллюзий по поводу перехода к рыночной экономике и не относились к числу сторонников неолиберальных идей. Выводы, к которым приходят представители художественной интеллигенции в своих произведениях, близки к заключениям целого ряда историков и социологов, которые будут сделаны спустя годы.

Многие литературные герои, ставшие пассивными участниками процесса деиндустриализации, испытывают кризис идентичности: потеря работы и закрытие промышленных предприятий словно перечёркивают годы (а для кого-то и десятилетия) жизни, отданные *настоящему делу*, которое, как выясняется, придавало смысл человеческому существованию. Растерянность,

¹³ Противоположная точка зрения в произведениях дальневосточных литераторов на данный момент автором не обнаружена.

дезориентация, ощущение брошенности, ненужности красной нитью проходит через художественные произведения, где макрофактором кардинальных изменений в жизни персонажа выступает деиндустриализация. Не всем литературным героям удаётся преодолеть кризис идентичности и приспособиться к изменившимся условиям. В то же время анализ художественных текстов показывает, что активная жизненная позиция, здоровый прагматизм и опора на собственные силы облегчают и ускоряют адаптацию к трансформирующейся реальности и обретение новой идентичности.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. 20 лет назад (1992) в Магадане с незапланированным визитом побывал и.о. главы Правительства РФ Е.Т. Гайдар. URL: <https://kolyma.ru/index.php?newsid=28903&ysclid=1618v2ukww549500846> (дата обращения: 27.07.2022).
2. Алёшина Т.Ф. Несекретная жизнь. Владивосток: Роза ветров, 2004. 120 с.
3. Барабаш С.Д. Всё предельно ясно // Литературный Владивосток. 2008. С. 9—18.
4. Барабаш С.Д. Избранное. Повести и рассказы. Владивосток: Народная книга, 2006. 300 с.
5. Безлепкина Н.В., Кононова Е.Н., Курносова Е.А. Процессы индустриализации, деиндустриализации и реиндустриализации в эволюции российской экономики // Вестник Самарского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2015. № 9-2 (131). С. 137—149.
6. Бодрова Е.В. Причины деиндустриализации РФ в переходный период: спорные проблемы // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 5 (38). Ч. 3. С. 160—166.
7. Быков А.В. Двойная дуэль. Находка: Институт технологии и бизнеса, 2008. 200 с.
8. Гребенюков А.В. Ангел и бес (начало) // Дальний Восток. 1999. № 4. С. 120—165.
9. Гребенюков А.В. Ангел и бес (продолжение) // Дальний Восток. 1999. № 5—6. С. 171—219.
10. Гребенюков А.В. Ангел и бес (окончание) // Дальний Восток. 1999. № 7—8. С. 15—71.
11. Гребенюков А.В. Интервью за углом // Дальний Восток. 1998. № 2. С. 232—235.
12. Драбкин А.Л. Зачем мне это всё... Очерки и рассказы. Хабаровск: [б.и.], 2012. 224 с.
13. Драбкин А.Л. Пора возвращаться. URL: <http://nasledie-eao.ru/news/Пора%20возвращаться.pdf> (дата обращения: 21.07.2022).
14. Ефремова В.А. Отечественный и зарубежный опыт изучения городов, теряющих население: тематика, методы и центры исследований // Региональные исследования. 2015. № 3 (49). С. 86—99.
15. Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М.: Логос, 2000. 432 с.
16. Ковалевская Ю.Н. Возможности различных методологических подходов для научной критики итогов рыночных реформ в России и ДФО // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2021. Т. 33. С. 10—24.
17. Ковалевская Ю.Н. «Ржавый пояс» Дальнего Востока России: специфика деиндустриализации в 1990—2010 гг. // Россия и АТР. 2020. № 1. С. 58—71.
18. Мамонтов Е.А. Музыка в аэропорту: повести и рассказы. Владивосток: Изд-во Ивана Шепеты, 2021. 360 с.
19. Минакир П.А., Прокапало О.М. Региональная экономическая динамика. Дальний Восток. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 304 с.
20. Партыка К.А. Проезжий. URL: <http://www.proza.ru/2009/07/21/203> (дата обращения: 27.07.2022).

21. Пензин Ю.П. К Колыме приговорённые. Магадан: МАОБТИ, 2001. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=558700> (дата обращения: 28.07.2022).
22. Постановление Правительства РФ от 04.01.1992 № 10 (ред. от 22.02.1993) «О добыче и использовании драгоценных металлов и алмазов на территории Российской Федерации и усилении государственного контроля за их производством и потреблением» // СПС «КонсультантПлюс».
23. Пустовит В.П. Дождь лиственницы: Проза. Поэзия. Мемуары. Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2012. 317 с.
24. Пчёлкин А.А. Непогодь: Стихи перестроечных лет. Магадан: МАОБТИ, 2000. 94 с.
25. Рыхтэу Ю.С. Чукотский анекдот. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2002. 352 с.
26. Семченко Н.В. Рыба // Дальний Восток. 1998. № 11—12. С. 124—139.
27. Фатеев В.М. Город в законе. Магадан: МАОБТИ, 1999. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=281728> (дата обращения: 28.07.2022).
28. Фатеев В.М. Золотая моль. Магадан: МАОБТИ, 2003. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=260257> (дата обращения: 28.07.2022).
29. Шепета И.И. Если смотреть на море: избранные стихотворения. Владивосток: Изд-во Ивана Шепеты, 2021. 136 с.
30. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. 1056 с.

REFERENCES

1. *20 let nazad (1992) v Magadane s nezaplanirovannym vizitom pobyval i.o. glavyy Pravitel'stva RF E.T. Gaydar* [20 Years Ago (1992), Acting Head of the Government of the Russian Federation E.T. Gaidar Visited Magadan with an Unplanned Visit]. Available at: <https://kolyma.ru/index.php?newsid=28903&ysclid=l618v2ukww549500846> (accessed 27.07.2022). (In Russ.)
2. Aleshina T.F. *Nesekretnaya zhizn'* [Public Life]. Vladivostok, Roza vetrov Publ., 2004, 120 p. (In Russ.)
3. Barabash S.D. Vse predel'no yasno [Everything is Extremely Clear]. *Literaturnyy Vladivostok*, 2008, pp. 9—18. (In Russ.)
4. Barabash S.D. *Izbrannoe. Povesti i rasskazy* [Selected Works. Novellas and Short Stories]. Vladivostok, Narodnaya kniga Publ., 2006, 300 p. (In Russ.)
5. Bezlepkina N.V., Kononova E.N., Kurnosova E.A. Protsessy industrializatsii, deindustrializatsii i reindustrializatsii v evolyutsii rossiyskoy ekonomiki [Processes of Industrialization, Deindustrialization and Reindustrialization in the Evolution of Russian Economics]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, series "Ekonomika i upravlenie", 2015, no. 9-2 (131), pp. 137—149. (In Russ.)
6. Bodrova E.V. Prichiny deindustrializatsii RF v perekhodnyy period: spornyye problemy [The Reasons for the Deindustrialization of the Russian Federation during the Transition Period: Controversial Issues]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2015, no. 5 (38), part 3, pp. 160—166. (In Russ.)
7. Bykov A.V. *Dvoynaya duel'* [Dual Duel]. Nakhodka, Institut tekhnologii i biznesa Publ., 2008, 200 p. (In Russ.)
8. Grebenyukov A.V. Angel i bes (nachalo) [Angel and Demon (The Beginning)]. *Dal'niy Vostok*, 1999, no. 4, pp. 120—165. (In Russ.)
9. Grebenyukov A.V. Angel i bes (prodolzhenie) [Angel and Demon (The Continuation)]. *Dal'niy Vostok*, 1999, no. 5—6, pp. 171—219. (In Russ.)
10. Grebenyukov A.V. Angel i bes (okonchanie) [Angel and Demon (The End)]. *Dal'niy Vostok*, 1999, no. 7—8, pp. 15—71. (In Russ.)
11. Grebenyukov A.V. Interv'yu za uglom [Interview around the Corner]. *Dal'niy Vostok*, 1998, no. 2, pp. 232—235. (In Russ.)

12. Drabkin A.L. *Zachem mne eto vse... Ocherki i rasskazy* [Why Do I Need All This... Essays and Stories]. Khabarovsk, [s.n.], 2012, 224 p. (In Russ.)
13. Drabkin A.L. *Pora vozvrashchat'sya* [It's Time to Go Back]. Available at: <http://nasledie-eao.ru/news/Пора%20возвращаться.pdf> (accessed 21.07.2022). (In Russ.)
14. Efremova V.A. Otechestvennyy i zarubezhnyy opyt izucheniya gorodov, teryayushchikh naselenie: tematika, metody i tsentry issledovaniy [Russian and International Research on Shrinking Cities: Themes, Methods and Centers]. *Regional'nye issledovaniya*, 2015, no. 3 (49), pp. 86–99. (In Russ.)
15. Ionin L.G. *Sotsiologiya kul'tury: put' v novoe tysyacheletie* [Sociology of Culture: The Way to the New Millennium]. Moscow, Logos Publ., 2000, 432 p. (In Russ.)
16. Kovalevskaya Yu.N. *Vozmozhnosti razlichnykh metodologicheskikh podkhodov dlya nauchnoy kritiki itogov rynochnykh reform v Rossii i DFO* [Possibilities of Different Methodological Approaches for Scientific Criticism of the Market Reforms Results in Russia and the Far Eastern Federal District]. *Trudy Instituta istorii, arkhologii i etnografii DVO RAN*, 2021, vol. 33, pp. 10–24. (In Russ.)
17. Kovalevskaya Yu.N. «Rzhavyy poyas» Dal'nego Vostoka Rossii: spetsifika deindustrializatsii v 1990–2010 gg. [The “Rust Belt” of the Far East of Russia: Specifics of the Deindustrialization in 1990–2010]. *Rossiya i ATR*, 2020, no. 1, pp. 58–71. (In Russ.)
18. Mamontov E.A. *Muzyka v aeroportu: povesti i rasskazy* [Music at the Airport: Novellas and Short Stories]. Vladivostok, Izd-vo Ivana Shepety Publ., 2021, 360 p. (In Russ.)
19. Minakir P.A., Prokapalo O.M. *Regional'naya ekonomicheskaya dinamika. Dal'niy Vostok* [Regional Economic Dynamics. The Russian Far East]. Khabarovsk, FEB RAS Publ., 2010, 304 p. (In Russ.)
20. Partyka K.A. *Proezzhiy* [Traveller]. Available at: <http://www.proza.ru/2009/07/21/203> (accessed 27.07.2022). (In Russ.)
21. Penzin Yu.P. *K Kolyme prigovorennye* [Condemned to Kolyma]. Magadan, MAOBTI Publ., 2001. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=558700> (accessed 28.07.2022). (In Russ.)
22. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 04.01.1992 № 10 (red. ot 22.02.1993) «O dobyche i ispol'zovanii dragotsennykh metallov i almazov na territorii Rossiyskoy Federatsii i usilenii gosudarstvennogo kontrolya za ikh proizvodstvom i potrebleniem» [Decree of the Government of the Russian Federation of January 4, 1992, No. 10 (Edited February 22, 1993) “On the Extraction and Use of Precious Metals and Diamonds on the Territory of the Russian Federation and Strengthening State Control over Their Production and Consumption”]. *SPS «Konsul'tant Plyus»* [Legal Reference System “Consultant Plus”]. (In Russ.)
23. Pustovit V.P. *Dozhd' listvennitsy: Proza. Poeziya. Memuary* [Larch Rain: Prose. Poetry. Memoirs]. Petropavlovsk-Kamchatskiy, Novaya kniga Publ., 2012, 317 p. (In Russ.)
24. Pchelkin A.A. *Nepogod': Stikhi perestroechnykh let* [Bad Weather: Poems during the Years of Perestroika]. Magadan, MAOBTI Publ., 2000, 94 p. (In Russ.)
25. Rytkeu Yu.S. *Chukotskiy anekdot* [Chukotka Anecdote]. Saint Petersburg, Izd-vo zhurnala «Zvezda» Publ., 2002, 352 p. (In Russ.)
26. Semchenko N.V. Ryba [Fish]. *Dal'niy Vostok*, 1998, no. 11–12, pp. 124–139. (In Russ.)
27. Fateev V.M. *Gorod v zakone* [City in Law]. Magadan, MAOBTI Publ., 1999. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=281728> (accessed 28.07.2022). (In Russ.)
28. Fateev V.M. *Zolotaya mol'* [Golden Moth]. Magadan, MAOBTI Publ., 2003. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=260257> (accessed 28.07.2022). (In Russ.)
29. Shepeta I.I. *Esli smotret' na more: izbrannye stikhotvoreniya* [If You Look at the Sea: Selected Poems]. Vladivostok, Izd-vo Ivana Shepety Publ., 2021, 136 p. (In Russ.)
30. Shyuts A. *Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom* [Selected Works: A World Glowing with Meaning]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004, 1056 p. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 01.08.2022